

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ПРОИЗВОДСТВОМ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Рассмотрены проблемы судебного контроля за проведением следственных действий в досудебном производстве по уголовному делу. Пересматривается ранее высказываемая автором точка зрения о надежности последующего судебного контроля и делается вывод о том, что при отсутствии в России института следственных судей наиболее приемлемым будет частичная реставрация механизмов прокурорского надзора, располагающего достаточным потенциалом защиты прав и законных интересов личности.

Ключевые слова: права и свободы личности; судебный контроль; следственные действия; прокурорский надзор; осмотр жилища; обыск.

В последние годы на фоне общей тенденции, направленной на имплементацию в систему национального судопроизводства международно-правовых ценностей, в уголовно-процессуальной науке достаточно пристальное внимание уделяется проблемам судебного контроля за производством следственных действий, ограничивающих конституционные права личности. Этот институт предварительного расследования – предмет постоянных дискуссий.

Некоторые ученые являются противниками судебного-контрольных механизмов в уголовном процессе как в целом [1. С. 5–6], так и в части законности следственных действий [2. С. 73]. В отдельных публикациях высказываются точки зрения о передаче судебного контроля в ведение конституционных (уставных) судов субъектов РФ или создания в структуре федеральных судов специальных коллегий по конституционным делам [3. С. 121]. Другие специалисты, наоборот, считают судебный контроль весьма важным процессуальным механизмом обеспечения прав личности в досудебном производстве и ратуют за его дальнейшее развитие [4. С. 181; 5. С. 184; 6. С. 27; 7. С. 146; 8. С. 215–216]. Некоторые авторы даже слишком увлекаются идеей о судебном контроле за производством следственных действий. Они пытаются идеализировать эти процессуальные механизмы и распространить их влияние на необоснованно широкий круг правоотношений [9. С. 357; 10. С. 136; 11. С. 99–102; 12. С. 117]. И, наконец, еще одна группа процессуалистов, не отвергая разумность и целесообразность судебного контроля как такового, одновременно отмечает и его определенные недостатки, в первую очередь, практического характера [13. С. 208; 14. С. 45; 15. С. 302].

Последние достаточно умеренные научные позиции представляются наиболее разумными и рациональными. Нельзя полностью отвергать судебный контроль, поскольку его существование и эффективное функционирование (например, при заключении лица под стражу, при обжаловании действий следователя в порядке ст. 125 УПК РФ) являются существенной правовой гарантией обеспечения прав и свобод личности, а также других охраняемых государством социальных ценностей. В этой связи мы согласны с Е.В. Рябцевой, полагающей, что суд, в отличие от прокурора и руководителя следственного органа, не связан ведомственными интересами, не несет ответ-

ственности за раскрытие преступлений [16. С. 25]. Однако не следует в полной мере соглашаться с позициями тех ученых, которые пытаются абсолютизировать судебный контроль и представить его как безукоризненную гарантию обеспечения законности, особенно в части получения разрешений на производство следственных действий. В противном случае просто не было бы оснований для таких жарких научных дискуссий. Поэтому очевидно, что данный уголовно-процессуальный институт еще далек от совершенства и сопровождается целым рядом неразрешенных процессуальных и практических проблем, вызывающих серьезные затруднения в правоприменительной практике.

Закон предусматривает предварительный и последующий судебный-контрольные механизмы за проведением следственных действий, различающиеся по времени рассмотрения судом соответствующих материалов (до или после проведения процессуального действия). Причем действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ в качестве основной (приоритетной) формы использует именно предварительный контроль. По общему правилу, установленному ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ, следовательно вначале надлежит заручиться соответствующим судебным решением и лишь потом произвести осмотр, обыск, выемку и т.д. И только в исключительных случаях, связанных с безотлагательностью производства следственного действия, законодатель допускает возможность использования механизмов последующего судебного контроля в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

По нашему мнению, это объясняется желанием законодателя установить в уголовном судопроизводстве такой юрисдикционный режим обеспечения прав и свобод личности, который бы полностью соответствовал международно-правовым стандартам и Конституции РФ. Но анализ основополагающих актов международного права показывает, что ни в одном из них не содержится каких-либо прямых предписаний относительно необходимости предварительного судебного контроля за производством следственных действий. В частности, ст. 12 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. или ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. содержат лишь наиболее общие и концептуальные по-

ложения, предопределяющие охрану прав и свобод личности, не касаясь конкретных механизмов их ограничения и оставляя подобные вопросы во внутреннем ведении соответствующих государств. Кстати, по этому поводу не наблюдается и какой-либо определенности в решениях Европейского суда по правам человека. Например, в одном из наиболее известных решений от 25 февраля 1993 г. по делу «Функе против Франции» Европейский суд отметил, что ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод не требует предварительного судебного разрешения на проведение обысков на дому и изъятий. В решении от 7 июня 2007 г. по делу «Смирнов против России» Европейский суд обратил внимание на потенциальную возможность обратиться в суд после вынесения постановления о производстве обыска, как бы компенсирующую отсутствие первоначального судебного ордера и т.д. Получается, что приоритет предварительного судебного контроля в части производства следственных действий – это внутренний вопрос Российской Федерации, требующий разрешения на уровне национального законодательства?

Однако анализ Конституции РФ позволяет констатировать, что она прямо устанавливает необходимость получения судебного решения лишь в связи с ограничением права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. В отношении неприкосновенности жилища ст. 25 Конституции РФ содержит менее резкое предписание: «Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или (!) на основании судебного решения».

Таким образом, судебное решение в конституционно-правовом контексте рассматривается не как единственная, а всего лишь как дополнительная гарантия неприкосновенности жилища, применяемая в случаях, прямо не урегулированных соответствующим федеральным законом. В этой связи позволим себе выразить категорическое несогласие со специалистами, указывающими на внутреннее логическое противоречие ст. 25 Конституции РФ, заключающееся в противопоставлении судебного решения и федерального закона как оснований для проникновения в жилище [17. С. 19]. Мы также не можем принять доводы других авторов, пытающихся истолковывать названную норму как допускающую возможность законодательного или судебного произвола в вопросах ограничения неприкосновенности жилища [18. С. 179]. Представляется, что ст. 25 Конституции РФ не содержит никакого логического противоречия и не допускает возможности произвола. Она всего лишь, закрепляя на концептуальном уровне принципиальное положение о неприкосновенности жилища, предоставляет федеральному законодателю право выбора: а) установить конкретный правовой механизм, позволяющий в определенной сфере государственной деятельности (например, в уголовном судопроизводстве) при наличии соответствующих оснований проводить действия, сопряженные с возможностью проникновения в жилище без получения предварительного судебного решения; б) требовать от своих должностных лиц каж-

дый раз перед совершением подобных действий специально получать предварительное решение суда.

Судебный контроль за некоторыми другими следственными действиями привязан к тексту Конституции РФ достаточно условно и с очень большой натяжкой. Например, подобная ситуация складывается в сфере правового регулирования осмотра, обыска или выемки у адвоката, судебную защиту которого можно лишь косвенно обосновать конституционным правом на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ) и весьма спорными позициями Конституционного Суда РФ, увязывающими адвокатскую тайну с неприкосновенностью частной жизни, личной и семейной тайной. Аналогичной оценки заслуживает и предписание о выемке вещи, заложенной или сданной на хранение в ломбард, которое можно привязать разве что к конституционному праву частной собственности. А положения УПК РФ, требующие получения предварительного судебного решения на личный обыск или выемку документов, содержащих государственную тайну, вообще не имеют конституционного фундамента. В этой связи заслуживает внимания суждение Е.А. Зайцевой и Н.В. Костериной, полагающих, что в ч. 2 ст. 29 УПК РФ имеет место расширенное толкование Конституции РФ. А для соблюдения преемственности норм уголовно-процессуального права по отношению к конституционным установлениям следует распространить судебную защиту лишь на те права и только в тех случаях, на которые прямо указано в тексте Конституции РФ [19. С. 73].

Однако в вопросах правового регулирования следственных действий УПК РФ почему-то пошел по более сложному пути. Очевидно, данное обстоятельство объясняется желанием законодателя как можно более наглядно продемонстрировать переход Российской Федерации к принципиально новой идеологии уголовного судопроизводства, построенной на безусловном приоритете прав человека. И таким образом, «процессуальный маятник» в этой части качнулся слишком сильно. По мнению В.М. Быкова, авторы УПК РФ в своем усердии явно перестарались [13. С. 208]. Стремясь продемонстрировать демократические начала уголовного процесса, законодатель попытался создать идеальные с точки зрения либеральных ценностей механизмы проведения следственных действий, ограничивающих права и свободы личности, которые предполагают получение предварительного судебного решения за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Причем данная тенденция продолжает набирать обороты. Так, Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ в исключительное ведение суда был передан вопрос о выемке предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну; Федеральным законом от 3 декабря 2007 г. № 322-ФЗ – о производстве выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи; наконец, Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ – о производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката.

На первый взгляд, указанные идеи являются безупречными. Но их нельзя абсолютизировать. Поэтому

правовые иллюзии законодателя о судебной защите прав личности при производстве следственных действий развеиваются, когда речь заходит уже не о самих либеральных принципах, а о конкретных механизмах их реализации, предусмотренных ст. 165 УПК РФ. Будучи направленным главным образом на обеспечение материальных ценностей, предварительный судебный контроль оказывается не лишенным целого ряда существенных недостатков организационного и процессуального характера.

Один из них заключается в том, что посредством предварительного судебного контроля на практике создаются дополнительные правовые преграды для быстрого и эффективного производства на первоначальном этапе расследования. Вполне очевидно, что и осмотр, и обыск, и даже выемка зачастую являются первоначальными следственными действиями и нередко осуществляются в условиях цейтнота, особенно по уголовным делам о групповых преступлениях. Сотрудники органов дознания и предварительного следствия, скованные жесткими процессуальными сроками, в ряде случаев просто физически не успевают выполнить все предусмотренные ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ условия и получить в установленном порядке судебное решение (иногда несколько судебных решений). Тем более что ходатайство следователя должно быть не голословным, а обоснованным, подтвержденным достаточной совокупностью достоверных сведений. Как отмечает В.В. Бородин применительно к обыску в жилище, для того чтобы судья выдал такое разрешение, требуется представить информацию, которая убеждала бы его в том, что в данном случае обыск является единственным подходящим способом получения доказательств по уголовному делу [20. С. 314].

К тому же на практике подобные процедуры зачастую оказываются слишком забюрократизированными, требующими подготовки целого комплекса различных документов. По этому поводу Д.О. Серебров указывает, что в суд поступает не просто ходатайство, а целый материал о возбуждении ходатайства в прошитом и пронумерованном виде и с описью бумаг [21. С. 84]. Попутно заметим, что автор приветствует эту идею и предлагает придать ей законодательный характер, с чем мы принципиально не согласны. Н.А. Колоколов формулирует соответствующие практические рекомендации и приводит перечень процессуальных документов, подлежащих представлению в судебное заседание: различные протоколы допросов, очных ставок, предъявлений для опознаний, заключения экспертов и т.д. [22. С. 214]. В пункте 1 недавно увидевшего свет специального Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» отмечается, что к ходатайству следователя должны быть приложены копии постановлений о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству, о продлении срока предварительного расследования, о возобновлении производства по уголовному делу, материалы, подтверждающие наличие оснований для производства следственного действия, и др.

Поэтому, как отмечает тот же Д.О. Серебров, опираясь на материалы своего эмпирического исследования, следователи порой избегают производства ряда следственных действий, что приводит к слабой доказательственной базе по уголовным делам [21. С. 5–6]. О данных следственных ошибках пишут и другие ученые [23. С. 58; 24. С. 36; 25. С. 21].

Сложность получения предварительного судебного решения на производство следственного действия порождает еще одну практическую проблему – тенденцию к злоупотреблению правом на осуществление осмотра, обыска или выемки в условиях безотлагательности. Ведь гипотеза ч. 5 ст. 165 УПК РФ имеет оценочный характер. По ее смыслу органы дознания и предварительного следствия самостоятельно, по собственному усмотрению должны определять, имеют ли место в той или иной ситуации обстоятельства, не терпящие отлагательства, или нет. А в современных условиях, зачастую сопряженных с достаточно низким уровнем профессионализма, правосознания и личной ответственности многих следователей, границы подобного «усмотрения» нередко выходят за допустимые рамки.

Р.А. Зинец, опираясь на статистические данные, отмечает, что в последнее время просматривается тенденция к активному использованию следователями полномочий по проведению обысков в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ [10. С. 124]. На это обстоятельство обращает внимание и М.А. Фомин [26. С. 43]. Иными словами, следователи в ряде случаев просто маскируют следственные действия под безотлагательные либо искусственно создают соответствующие условия. Вследствие этого осмотр, выемка и особенно обыск проводятся без предварительного судебного решения в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

Например, на сегодняшний день весьма распространена практика осуществления оперативными сотрудниками по предварительной договоренности с органами расследования различных мероприятий (в частности, проверочных закупок наркотиков, оружия, поддельных денег и т.п.), сопровождающихся задержанием лица в вечернее время. Выбор данного времени нередко обуславливается искусственным созданием условий, исключающих возможность получения предварительного судебного решения на проведение осмотра или обыска по месту жительства задержанного. В этой связи разумным представляется мнение Н.А. Колоколова о том, что оценочный характер случаев, не терпящих отлагательства, к сожалению, создает порочную практику производства обысков в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ, без крайней на то нужды [27. С. 164]. И, наоборот, мы категорически не согласны с позицией А.А. Акимчева, полагающего, что следователь совсем не заинтересован в злоупотреблениях по этому поводу, поскольку о каждом таком случае обязательно уведомляются прокурор и судья. Автор не совсем обоснованно утверждает, что следователь не будет рисковать в условиях подобной мнимой безотлагательности, так как это чревато последующим признанием соответствующего доказательства недопустимым [9. С. 357]. Думается, что позиция А.А. Акимчева скорее сориен-

тирована на следственных работников, являющихся истинными профессионалами своего дела и обладающих высоким уровнем правосознания и ответственности, тогда как в современной правоприменительной практике с этим еще далеко не все благополучно.

Некоторые специалисты пытаются найти выход из сложившейся ситуации посредством формулирования конкретных обстоятельств, не терпящих отлагательства при производстве следственных действий [28. С. 44]. Такой позиции придерживается и председатель Следственного комитета РФ, закрепив перечень подобных обстоятельств на уровне ведомственного нормативного правового акта – Приказа от 15 января 2011 г. № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете РФ». По этому пути пошел и Пленум Верховного Суда, разъяснив, что исключительными случаями, подпадающими под правовую гипотезу ч. 5 ст. 165 УПК РФ, например, являются ситуации: когда необходимо реализовать меры по предотвращению или пресечению преступления; промедление с производством следственного действия позволит подозреваемому скрыться; возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления; имеются достаточные основания полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится какое-либо следственное действие, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для уголовного дела (Постановление от 1 июня 2017 г. № 19).

Еще одна группа специалистов предлагает, на наш взгляд, более рациональный подход к проблеме: не формулировать конкретные обстоятельства, не терпящие отлагательства, а выработать и закрепить в законе критерии, позволяющие определить безотлагательность ситуации. Этому мнению придерживаются А.Б. Соловьев, разработавший систему таких критериев [29. С. 103–104], и В.М. Быков, вносящий предложения по ее оптимизации [13. С. 219–220, 224].

Однако представляется, что и подобная конкретизация обстоятельств, не терпящих отлагательства, или даже формулирование специальных правовых критериев для производства неотложных следственных действий если и позволят несколько снизить возможность произвола со стороны органов предварительного расследования (что маловероятно), то никоим образом не уведут правоприменителя от оценочного характера той или иной следственной ситуации. Несмотря на новые правовые гипотезы или дополнительные акты толкования права, основным критерием возможности производства следственного действия в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ все равно останется внутреннее убеждение соответствующего следователя, обусловленное исключительно его собственным профессионализмом, правосознанием, правопониманием и личной ответственностью. Кроме того, введение исчерпывающего перечня обстоятельств или специальных критериев может привести к правовой беспомощности следователя в какой-то нетипичной ситуации, требующей безотлагательной реакции со стороны правоохранительных органов. Именно поэтому Пленум Верховного Суда РФ формулирует не исчерпывающий, а лишь примерный перечень подобных обстоятельств.

Таким образом, подводя небольшой итог сказанному, можно заключить, что установленный законодателем механизм предварительного судебного контроля за производством следственных действий не оправдывает возложенных на него надежд, а наоборот, оказывает скорее негативное влияние на правоприменительную практику. С одной стороны, он создает дополнительные организационно-технические сложности и затрудняет эффективность работы следственных органов, особенно на первоначальном этапе расследования, с другой – обуславливает рост злоупотреблений в части реализации полномочий, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Причем наиболее циничными субъектами такого злоупотребления являются именно те непрофессиональные и безответственные сотрудники органов предварительного расследования, от действий которых и должен, в первую очередь, защищать механизм судебного контроля. Иными словами (как это ни парадоксально), конституционные права личности в уголовно-процессуальной практике зачастую нивелируются именно из-за того, что, по мнению законодателя, является существенной гарантией их защиты – из-за механизмов предварительного судебного контроля за производством следственных действий.

На первый взгляд, можно предположить, что рассмотренный недостаток судебного контроля имеет исключительно организационно-кадровый аспект и вполне устраним посредством повышения профессионализма, правосознания, правовой культуры и личной ответственности следователей. Однако данный механизм имеет и еще одну «ахиллесову пятю» уже сугубо процессуального характера. Дело в том, что ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ устанавливают такую форму предварительного судебного контроля за производством следственных действий, которая осуществляется в условиях тайны, т.е. посредством двусторонних правоотношений между судом и участниками уголовного процесса со стороны обвинения. Как справедливо полагает Г.П. Химичева, подобное решение законодателя представляется оправданным, поскольку приоритет в данном случае скорее отдается сохранению тайны предварительного следствия, чем обеспечению прав участвующих в уголовном судопроизводстве лиц [15. С. 303]. С такой постановкой вопроса согласен и К.И. Сутягин [30. С. 109].

И действительно, как можно не сохранять в тайне решение о производстве обыска, если его эффективность напрямую зависит от внезапности проведения. С данной позицией солидарен и Конституционный Суд РФ, отметивший в одном из своих решений, что в противном случае следственные и иные процессуальные действия, достижение позитивных результатов которых в значительной степени обусловлено их внезапным и конфиденциальным характером, при уведомлении о предстоящем их проведении заинтересованных лиц могли бы утратить всякий смысл (определение от 25 марта 2004 г. № 124-О). Этот же подтекст вытекает и из п. 6 вышеназванного постановления Пленума Верховного Суда, разъяснившего, что закрытое судебное заседание по поводу производства следственных действий вполне допустимо в случаях,

предусмотренных ч. 2 ст. 241 УПК РФ (к которым, в том числе, относится и тайна следствия. – *С.Р.*)

Очевидно, что предусмотренные ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ двусторонние правоотношения следователя с судом полностью исключают механизм состязательности. О какой состязательности может идти речь при необходимости сохранения в тайне подобного судебного решения вплоть до его исполнения? Об отсутствии состязательности при осуществлении предварительного судебного контроля уже неоднократно упоминалось в специальной литературе [12. С. 97; 31. С. 20; 32. С. 150]. Установленный законом порядок получения предварительного судебного решения на производство следственного действия не соответствует современному представлению о состязательных механизмах реализации судебной власти. Вряд ли можно полностью согласиться с точкой зрения о том, что судебный контроль, так же, как и правосудие, связан с разрешением социально-правового спора сторон [33. С. 41]. Предусмотренная ч. 1–4 УПК РФ процессуальная модель не укладывается в общепринятые и известные формы судебной деятельности. Как отмечает В.В. Кальницкий, поскольку в подобном судебном заседании нет сторон, то главное преимущество судебной процедуры – правовой спор – сводится к нулю, а судья без выяснения мнения сторон беспомощен и действует в качестве обычного должностного лица [34. С. 89]. Предварительный судебный контроль в этой части скорее напоминает не деятельность суда, а некую административную процедуру, которую отдельные авторы называют судебным санкционированием [16. С. 20; 35. С. 331]. Он мало чем отличается от существовавшего ранее (по УПК РСФСР) прокурорского порядка санкционирования обыска; разница, по существу, заключается лишь в том, что роль прокурора теперь выполняет другое должностное лицо – судья. А решение по-прежнему принимается исключительно на основании представленных следователем материалов.

Кстати, подобные материалы, например результаты оперативно-розыскной деятельности, зачастую носят сомнительный характер и не имеют формы доказательств. По поводу последнего обстоятельства многими специалистами не раз высказывалось мнение относительно необходимости принятия решения о производстве следственных действий, затрагивающих конституционные права личности, исключительно на основе доказательств [7. С. 150; 36. С. 168–169; 37. С. 94–102] или иных сведений, полученных процессуальным путем [8. С. 229]. С одной стороны, данная позиция является абсолютно справедливой. Однако ее приверженцы в очередной раз идеализируют защиту прав и свобод личности. Если посмотреть на проблему с другой, сугубо практической стороны, становится очевидным ее несостоятельность. В условиях процессуального цейтнота на первоначальном этапе расследования органы дознания или предварительного следствия просто не будут иметь реальной возможности надлежащего процессуального оформления оснований для производства осмотра, обыска, выемки и т.д. И в результате – опять все те же описанные выше негативные последствия: отказы от производства ряда

следственных действий или их необоснованное проведение под видом безотлагательных. В этой связи мы скорее согласны с авторами, допускающими возможность аргументации целесообразности производства следственных действий не только доказательствами, но и наряду с ними иными сведениями, в том числе материалами оперативно-розыскной деятельности [26. С. 36; 38. С. 365]. Тем более что и сам Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит прямого предписания об исключительном доказательственном обосновании судебного решения о производстве следственных действий.

Однако даже если предположить существование подобного предписания и условно допустить возможность получения судебного решения о производстве осмотра, обыска, выемки и т.д. не иначе как на основе доказательств, то реально это ни на что не повлияет. Ведь в отсутствие состязательности судебного заседания все равно возникнет целый ряд вопросов. Например, кто и каким образом сможет противостоять стороне обвинения при судебном исследовании представленных доказательств? Кто попытается повлиять на признание этих доказательств недопустимыми, если они получены с нарушением закона? Очевидно, что действующий порядок принятия предварительного судебного решения о производстве следственных действий не дает ответа на эти вопросы. Таким образом, думается, что независимо от формы представленных в суд сведений процедура предварительного судебного контроля за законностью производства следственных действий в большинстве случаев просто теряет всякий смысл.

Кстати, на данный факт указывают и статистические данные, согласно которым суды удовлетворяют ходатайства органов предварительного расследования о проведении следственных действий практически в 100% случаев. А редкие отказы обусловлены исключительно формальными основаниями (например, несоблюдением срока представления в суд материалов и т.д.). В частности, Х.П. Шептунова в своем диссертационном исследовании приводит сведения, согласно которым за период с 2004 по 2007 г. в Оренбургской области относительный ежегодный показатель количества удовлетворенных судами ходатайств о производстве следственных действий в жилище колебался в пределах от 97,6 до 98,5% [11 С. 110–111]. М.С. Ерик и С.В. Маслова сообщают соответствующие сведения за 2011 г. по Новгородской области: всего рассмотрено ходатайств – 1 005, из них удовлетворено – 971 (т.е. 96,6%) [39. С. 50]. По данным А.Б. Соловьева и И.Л. Петрухина, ходатайства следователей о производстве осмотров, обысков и выемок в жилище удовлетворяются в 97,8% случаев [40. С. 52–53; 41. С. 92]. К.В. Степанов указывает, что количество отклоняемых судом ходатайств о производстве следственных действий составляют немногим более 0% [42. С. 377]. А.Д. Назаров приводит следующие статистические показатели удовлетворения судами ходатайств в порядке ст. 165 УПК РФ за 2010–2015 годы: а) о производстве осмотра, обыска, выемки в жилище 95,44%, б) о производстве личного обыска – 96,4%; в) о производстве выемки предметов и документов,

содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях – 97,35%; г) о наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку в учреждениях связи – 97,62%; д) о контроле и записи переговоров – 96,46% [43. С. 195–196].

Отчеты о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за последние годы, опубликованные на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, содержат примерно

аналогичные данные (таблица); схожая ситуация наблюдалась и за более ранние годы. Проведенный нами опрос следователей, прокуроров, адвокатов, судей, секретарей судебных заседаний г. Москвы и ряда других регионов РФ показал примерно те же результаты. Причем в некоторых районных судах Тульской, Ярославской и Воронежской областей этот показатель достигает абсолютного уровня в 100%.

Сведения об удовлетворении судами ходатайств в порядке ст. 165 УПК РФ за 2013–2016 гг.

Содержание ходатайства	Всего рассмотрено ходатайств / из них удовлетворено, %			
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
О производстве следственного действия в жилище; выемки из ломбарда	170,648	180,157	200,523	197,363
	163,597	173,118	193,578	190,055
	(95,9%)	(96,1%)	(96,5%)	(96,3%)
О производстве личного обыска	6,185	7,564	7,355	4,656
	5,951	7,311	7,022	4,458
	(96,2%)	(96,7%)	(95,5%)	(95,7%)
О производстве выемки в банках и иных кредитных организациях	67,074	67,384	80,656	78,461
	65,668	64,983	78,444	76,310
	(97,9%)	(96,4%)	(97,3%)	(97,2%)
О наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку	25,804	25,949	31,825	21,010
	25,285	25,055	31,021	20,460
	(98,0%)	(96,6%)	(97,5%)	(97,4%)
О контроле и записи переговоров	189,741	188,668	243,792	167 052
	178,149	183,542	237,439	162 961
	(93,9%)	(97,3%)	(97,4%)	(97,6%)
О получении информации о соединениях между абонентами и / или абонентскими устройствами	Статистика не опубликована			126,306
				123,092
				(97,5%)

Источник: официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 12.05.2017).

Хотя справедливо отметить, что в современной практике все же встречаются случаи неудовлетворения судами ходатайств органов предварительного расследования о производстве следственных действий не по формальным, а по сугубо фактическим обстоятельствам. Так, Кузьминский районный суд г. Москвы отказал следователю в удовлетворении ходатайства о производстве обыска по месту жительства подозреваемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 306, ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, посчитав, что представленных материалов (рапортов оперативных сотрудников, протоколов обыска, протоколов осмотров изъятых предметов и допросов свидетелей) явно недостаточно для того, чтобы полагать о нахождении в жилище предметов и документов, которые могут иметь значение для уголовного дела. Однако впоследствии Московским городским судом данное решение было отменено как необоснованное. То есть данный пример как раз и является тем самым исключением, которое лишь подтверждает общую закономерность.

Представляется разумным суждение И.Л. Петрухина, который писал, что если все или почти все ходатайства следственных органов суд удовлетворяет, то зачем в таком случае вообще судебный контроль? [41. С. 92]. Близкой позиции придерживается и В.А. Лазарева. Она отмечает, что достигающая практически 100% удовлетворяемость ходатайств органов расследования о производстве следственных действий позволяет говорить о неэффективности судебного контроля, превращенного в выдачу разрешений, что приводит к нарушению или необоснованному ограни-

чению прав личности, формирует в общественном правосознании убеждение, что суд заодно со следователем [44. С. 158].

В этой связи мы никак не можем согласиться с Т.Ю. Вилковой, считающей данный механизм одной из наиболее действенных гарантий от произвольного или чрезмерного вмешательства в личную жизнь [45. С. 159]. Полагаем, что осуществляемый при отсутствии состязательности предварительный судебный контроль за осмотром, обыском, выемкой и т.д. – это, наоборот, малоэффективный и сомнительный инструмент обеспечения прав и свобод личности. Мы солидарны с Е.А. Зайцевой и Н.В. Костериной, указывающими, что судья не может априори проверить законность и обоснованность еще не состоявшегося решения органа расследования. Тем более, что данное постановление будет выносить не этот орган, а сам суд, который и должен обеспечить законный режим ограничения конституционных прав и свобод в стадии предварительного расследования. Следовательно, он сам обязан принять законное и обоснованное правоограничительное решение [19. С. 39]. Попутно заметим, что указанные авторы вообще достаточно скептически относятся к предварительному судебному контролю за производством следственных действий. По их мнению, в данном случае ни о какой контрольной функции суда вообще не может идти речи, поскольку судья сам принимает соответствующее решение [Там же. С. 34].

Механизм получения предварительного судебного решения на производство следственных действий не только малоэффективен и затруднителен. На наш

взгляд, он еще и порождает дальнейшую безнаказанность действий органов предварительного следствия. Ведь получив в свое распоряжение решение суда о производстве осмотра, обыска, выемки, они приобретают весьма широкие возможности. Прикрываясь этим судебным актом как своеобразным «процессуальным щитом», следователи могут действовать почти бесконтрольно. Причем законность и обоснованность их поведения практически «неоспоримы», так как уже предварительно были санкционированы судом и получили его одобрение. Самым парадоксальным в этой ситуации является то, что заинтересованные лица даже не имеют реальной возможности последующего обжалования подобных бесконтрольных действий в суд. Согласно ч. 1 ст. 125 УПК РФ жалобы на неправомерное поведение органов дознания и предварительного следствия направляются в районный суд по месту предварительного расследования, т.е. именно в тот самый суд, который ранее и выдавал решение на производство обжалуемого следственного действия. Данная проблема приобретает особую актуальность применительно к деятельности небольших районных судов с малой штатной численностью судей.

Резюмируя все вышесказанное, мы приходим к выводу, что основной способ обеспечения конституционных прав личности при производстве следственных действий – предварительный судебный контроль – представляет собой весьма слабую, малоэффективную и достаточно сомнительную процессуальную гарантию, а его использование оказывает скорее негативное влияние на современную правоприменительную практику.

В своих прежних публикациях мы предлагали в качестве выхода из сложившейся ситуации полную замену предварительного судебного контроля последующим судебным контролем (в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ), позволяющим реально обеспечить состязательность сторон и гласность как необходимые условия реализации судебной власти, а также надлежало проверить и оценить не только законность, но и обоснованность состоявшегося следственного действия [46. С. 360–362]. Однако наши дальнейшие изыскания по данному вопросу сильно поколебали эту позицию, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, невзирая на всю благонадёжность и высокую степень правовых гарантий судебной власти, судья, рассматривающий поступивший материал в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ, остается в конкретном уголовном деле «случайным», временным участником, в нужной мере не владеющим его содержанием, не способным (с учетом и без того колоссальной нагрузки) за предоставленный законом 24-часовой срок досконально разобраться во всех хитросплетениях и нюансах, предопределяющих законность (незаконность) и обоснованность (необоснованность) того или иного следственного действия.

К сожалению, официально публикуемая статистика не содержит данных о количестве «забракованных» судами материалов в порядке последующего судебного контроля за производством осмотра, обыска или выемки. Однако проведенное нами выборочное интервьюирование правоприменителей (следователей, прокуроров,

адвокатов, судей, секретарей судебных заседаний) свидетельствует о практически стопроцентной судебной поддержке результатов подобных следственных действий, что превращает установленную законом гарантию доброкачественности в очередную профанацию.

В этой связи весьма показательным является сравнение национальных механизмов судебного контроля за производством следственных действий с аналогичными правообеспечительными процедурами, применяемыми в некоторых странах континентальной Европы, в частности во Франции. Да, действительно, основным звеном, обеспечивающим законность досудебного производства во французском уголовном процессе, является следственный судья (*le juge d'instruction*). Но это принципиально иной субъект уголовной юрисдикции, не имеющий аналога в российской модели судопроизводства и никоим образом не сопоставимый с судьей районного (городского или приравненного военного) суда, входящего в судебную систему РФ. Следственный судья – это участник, не принимающий разовые судебные акты, а привязанный к уголовному делу на постоянной основе, имеющий возможность наблюдать развитие соответствующих правоотношений в динамике и, таким образом, достаточно осведомленный об обстоятельствах, позволяющих выносить подлинно законные и обоснованные решения о производстве следственных действий. Схожую роль в советском и российском уголовном процессе ранее выполнял прокурор. Однако сейчас указанные функции разорваны между различными субъектами: руководителем следственного органа (начальником органа дознания), прокурором и судом.

Во-вторых, возможность последующего судебного контроля за производством следственных действий фактически дублируется посредством установленного ст. 125 УПК РФ механизма обжалования правоприменительных актов органов предварительного расследования, причиняющих ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затрудняющих доступ граждан к правосудию. Поэтому если кто-либо из заинтересованных лиц и намерен активно оспаривать законность и обоснованность проведенного осмотра, обыска, выемки, то он (его защитник или представитель) вполне может подать в суд соответствующую жалобу. Если же участник, наоборот, занимает пассивную позицию и не изъявляет желания отстаивать свои интересы, то никакой последующий судебный контроль не способен подлинно восстановить или защитить его конституционные права, поскольку в таком случае ввиду отсутствия реальной состязательности превращается в пустую формальность.

В уголовно-процессуальной науке в последнее время усиливается тенденция, связанная с нормативной реставрацией прежних прокурорско-надзорных механизмов как средств обеспечения законности производства следственных действий. В частности, А.Д. Назаров аргументирует подобные идеи следующим образом: а) прокурор будет иметь возможность работать не с копиями материалов уголовного дела, а с подлинными процессуальными документами, что повысит оперативность в принятии решений; б) федеральные судьи

не будут отвлекаться на выполнение несвойственных им функций при сохранении потенциального права на рассмотрение соответствующей жалобы в порядке 125 УПК РФ [43. С. 196–197]. Вместе с тем конкретные предложения автора по изменению уголовно-процессуального законодательства в этой части представляются несколько странными. Он ратует за сохранение в судебном ведении так называемых классических решений о производстве следственных действий (о производстве осмотра, обыска или выемки в жилище, о контроле и записи телефонных и иных переговоров), тогда как остальные решения, подпадающие по контекст ст. 165 УПК РФ, предлагается передать в ведение прокурора [Там же. С. 197].

С одной стороны, не совсем понятно, что А.Д. Назаров имеет в виду под «классическими» судебными решениями о производстве следственных действий. Если автор в данном случае подразумевает акты, затрагивающие международно-правовые стандарты или конституционные права личности, то почему он исключает из своего перечня действия, предусмотренные ст. 185 и 186.1 УПК РФ? С другой стороны, нет никакого смысла сохранять полномочия суда по санкционированию следственных действий в жилище, поскольку (как уже было отмечено выше) ни нормы международного права, ни Конституция РФ прямо не предполагают подобных предписаний.

Однако, невзирая на некоторую непоследовательность позиции А.Д. Назарова, намеченный им вектор дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства в части проведения следственных действий, затрагивающих конституционные права личности, в целом представляется совершенно верным и разумным. При отсутствии в России института следственных судей наиболее приемлемым является частичная реставрация советского механизма прокурорского надзора за законностью и обоснованностью следственных действий. Полагаем, что полноценный прокурорский надзор содержит в себе достаточно процессуальных гарантий, чтобы защитить и обеспечить конституционные права и законные интересы лиц, вовлеченных в орбиту досудебного производства по уголовному делу.

В заключение необходимо обратить внимание, что в последние годы неоднократно поднимался вопрос о возможности введения в систему российской уголовной юрисдикции тех самых следственных судей, которые осуществляют контроль за законностью производства следственных действий в странах континентальной Европы, в частности Франции. Возможно, наше государство со временем и должно провести подобную реформу, обеспечив, таким образом, существование подлинно независимых субъектов, выполняющих не столько правоохранительную, сколько правоприменительную и правообеспечительную функции. Тем более что указанные идеи не чужды национальным традициям уголовного судопроизводства и некогда (с 1864 по 1929 г.) были воплощены в корпусе судебных следователей.

Однако предпринимаемые в этом направлении шаги должны носить очень осторожный, постепенный и последовательный характер. В настоящее время ни судебная система РФ, ни органы предварительного следствия, ни общество и государство в целом к такой реформе еще не готовы [47. С. 93–100]. Очередное бездумное перераспределение процессуальных полномочий, скоротечные и импульсивные организационно-штатные изменения в системе органов государственной власти – конечно, самый легкий и быстрый способ «решения» зреющих годами проблем. Но, к сожалению, ни к чему принципиально новому это не приведет, а может быть, еще более усилит те «болезни», которыми в настоящее время страдает досудебное производство. Очевидно, что такую реформу надо начинать не с создания новых органов, не с изменений процессуального законодательства, а с пересмотра государственной идеологии в отношении профессии следователя, с воспитания юристов-государственников нового поколения, обладающих, наряду с глубокими знаниями, умениями и навыками, высоким уровнем нравственности, правосознания, правопонимания, правовой культуры и ответственности, так необходимых для решения непростых задач уголовно-процессуальной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свиридов М.К. Соотношение функций разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / под ред. Ю.К. Якимовича. Томск : Том. гос. ун-т, 2001. Вып. 7.
2. Кальницкий В.В. «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства не эффективны // Уголовное право. 2004. № 1.
3. Свиридов М.К. Природа судебного контроля за предварительным расследованием // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311.
4. Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск : Омский гос. ун-т, 2004.
5. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М. : Юрист, 2006.
6. Гуськова А.П. Уголовно-процессуальные средства защиты прав и свобод человека и гражданина посредством реализации судебного контроля // Обеспечение прав и свобод человека и гражданина : сб. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2006. Ч. 4.
7. Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. Казань : Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004.
8. Семенов В.А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики). Екатеринбург : УрГЮА, 2006.
9. Акимчев А.А. Проблемы реализации принципа неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве // Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / под ред. В.А. Панюшкина. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2006.
10. Зинц Р.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: процессуальные и организационные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград : ВА МВД России, 2005.
11. Шептунова Х.П. Право личности на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве: отечественный опыт и международные стандарты : дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург : Оренбург. гос. ун-т, 2008.

12. Яблоков В.А. Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара : Самар. гос. ун-т, 2001.
13. Быков В.М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань : Познание, 2008.
14. Быков В.М. Следователь как участник уголовного процесса со стороны обвинения // Законность. 2012. № 7.
15. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М. : Экзамен, 2003.
16. Рябцева Е.В. Судебное санкционирование в уголовном процессе России. М. : Юрлитинформ, 2010.
17. Орлов А.В. Конституционные нормы, обеспечивающие обвиняемому право на защиту в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов : СЮИ МВД России, 2004.
18. Утарбаев А.К. Принцип неприкосновенности жилища, его содержание и гарантии // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. В.А. Лазарева. Самара : Самар. гос. ун-т, 2008.
19. Зайцева Е.А., Костерина Н.В. Полномочия суда на стадии предварительного расследования. Волгоград : ВА МВД России, 2007.
20. Бородин В.В. Судебный контроль как способ предупреждения беспрепятственного обыска // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства и практики применения (к 5-летию УПК РФ) : материалы междунар. науч.-практ. конф. М. : МГЮА, 2007.
21. Серебров Д.О. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород : НА МВД России, 2004.
22. Колоколов Н.А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. М. : Юрист, 2008.
23. Быков В.М. Следователь в уголовном процессе России. М. : Юрлитинформ, 2014.
24. Жеребятьев И.В. Предмет судебного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Уголовный процесс. 2005. № 10.
25. Агидамова Г.З. Следственные действия, проводимые по судебному решению и с санкции прокурора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск : Южно-Урал. гос. ун-т, 2004.
26. Фомин М.А. Обыск в современном уголовном процессе России : учеб.-практ. пособие. М. : Юрлитинформ, 2006.
27. Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования : учеб. пособие для студ. вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2004.
28. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М. : Юрлитинформ, 2004.
29. Соловьев А.Б. Обеспечение обоснованности проведения осмотра в жилище, обыска и выемки в жилище в исключительных случаях, не терпящих отлагательства // Уголовное право. 2004. № 2.
30. Сутягин К.И. Основания и процессуальный порядок исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу. М. : Юрлитинформ, 2008.
31. Лихачева Е.Ю. Правообеспечительная роль правосудия в досудебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов : СГАП, 2005.
32. Рябкова О.В. Судебный контроль на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург : Урал. юрид. ин-т МВД России, 2003.
33. Правовое положение следователя и прокурора в досудебном производстве (в рамках судебно-контрольных производств / отв. ред. А.В. Сухинин. М. : Юрлитинформ, 2014.
34. Кальницкий В.В. Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам : учеб. пособие. Омск : ОМА МВД России, 2009.
35. Татьяна Л.Г. Судебное санкционирование как форма реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации / под ред. И.М. Мацкевича, Е.С. Шугриной. М. : МГЮА имени О.Е. Кутафина, 2009. Т. 2.
36. Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов : Саратов. ун-т, 1987.
37. Трухин С.Н. Надлежащие доказательства как основание для разрешения судом следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан // Уголовное право. 2012. № 6.
38. Литвинова И.Ф. Обеспечение неприкосновенности жилища при проведении обыска // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства и практики применения (к 5-летию УПК РФ) : материалы междунар. науч.-практ. конф. М. : МГЮА, 2007.
39. Ерик М.С., Маслова С.В. Судебный контроль при производстве следственных действий // Уголовный процесс. 2012. № 10.
40. Буланова Н.В., Соловьев А.Б., Токарев М.Е. Прокурор в досудебных стадиях уголовного процесса России. М. : Юрлитинформ, 2006.
41. Петрухин И.Л. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью // Уголовное право. 2007. № 2.
42. Степанов К.В. Проблема существенности нарушений закона при осуществлении судебного контроля за досудебным производством // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства и практики применения (к 5-летию УПК РФ) : материалы междунар. науч.-практ. конф. М. : МГЮА, 2007.
43. Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения. М. : Юрлитинформ, 2017.
44. Лазарева В.А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве. М. : Юрлитинформ, 2010.
45. Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства: правовые основы, содержание, гарантии. М. : Юрлитинформ, 2015.
46. Россинский С.Б. Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? (часть 2) // Российский судья. 2009. № 9.
47. Россинский С.Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 августа 2017 г.

REFLECTIONS ON THE EFFECTIVENESS OF JUDICIAL CONTROL OVER THE CONDUCT OF INVESTIGATIVE ACTIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 225–235.

DOI: 10.17223/15617793/423/31

Sergey B. Rossinskiy, Moscow State Kutafin Law University (MSLA) (Moscow, Russian Federation). E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Keywords: rights and freedoms of individual; judicial control; investigative actions; prosecutorial supervision; inspection in home; search.

This article discusses one of the most topical problems in modern science of the criminal procedure: the problem of judicial control over preliminary investigation body activities. In principle, the author believes that judicial control is an important legal guarantee for the security and protection of the rights and freedoms of the individual in the criminal procedure. However, the author has a lot questions about the reasonableness to apply these judicial procedures in the conduct of investigative actions: inspection, search,

seizure and other in connection with decision-making. The author concludes that the priority of preliminary judicial control of investigative actions is the desire of the legislator to show democratic reforms in the Russian Federation, to show a fundamentally new ideology of the criminal procedure, where the rights and freedoms of the individual play the first role. However, the legal procedure of judicial control, which is now regulated by the Russian Criminal Procedure Code, has several large practical disadvantages. These shortcomings make judicial control over investigative actions rather weak and ineffective in terms of providing legal guarantees. First, judicial control over investigative actions is creating problems for organizing quick, effective investigator and police work during the initial stage of preliminary investigation. To overcome these legal obstacles investigators and the police often do not make inspection, search, seizure and other investigative actions. They either exceed their authority, or make these investigative actions as acts, which cannot be delayed. In addition, this only further restricts the rights and freedoms of the individual. Second, judicial control over investigative actions often has a secret character. This is a confidential meeting of the judge and of the subject that supports the prosecution. Judicial control over the inspection, search and seizure should not be an adversarial form. It is contrary to the modern principles of the work of the judiciary. Judicial control in fact is turning into an administrative procedure. This leads to the fact that the court meets most of preliminary investigation motions. The author of this article changed his position that this problem can be solved by replacing the prior judicial control by subsequent judicial control. The author understood that subsequent judicial control is an even less reliable legal guarantee. Because of the conducted research, the author thinks that while in Russia there are no investigation judges, it is right to restore the judicial procedure of prosecutorial supervision over investigative actions. Prosecutorial supervision has a great potential to protect and ensure the constitutional rights and freedoms of individuals who became subjects of criminal proceedings.

REFERENCES

1. Sviridov, M.K. (2001) Sootnoshenie funktsiy razresheniya ugovolnykh del i sudebnogo kontrolya v deyatel'nosti suda [The correlation of the functions of resolving criminal cases and judicial control in the activities of the court]. In: Yakimovich, Yu.K. (ed.) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Vol. 7. Tomsk: Tomsk State University.
2. Kal'nitskiy, V.V. (2004) "Sanktsionirovaniye" i proverka sudom zakonnosti sledstvennykh deystviy v khode dosudebnogo proizvodstva ne effektivny ["Sanctioning" and the court's check of the legality of investigative actions in the course of pre-trial proceedings are not effective]. *Ugolovnoe pravo*. 1.
3. Sviridov, M.K. (2008) Priroda sudebnogo kontrolya za predvaritel'nym rassledovaniem [The nature of judicial control over preliminary investigation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 311.
4. Azarov, V.A. & Tarichko, I.Yu. (2004) *Funktsiya sudebnogo kontrolya v istorii, teorii i praktike ugovolnogo protsesssa Rossii* [Function of judicial control in the history, theory and practice of the criminal procedure in Russia]. Omsk: Omsk State University.
5. Volodina, L.M. (2006) *Problemy ugovolnogo protsesssa: zakon, teoriya, praktika* [Problems of the criminal procedure: law, theory, practice]. Moscow: Yurist.
6. Gus'kova, A.P. (2006) [Criminal procedural means of protection of rights and freedoms of man and citizen through the implementation of judicial control]. *Obespechenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina* [Ensuring the Rights and Freedoms of Man and Citizen]. Proceedings of the international conference. Vol. 4. Tyumen: Tyumen State University. (In Russian).
7. Muratova, N.G. (2004) *Sistema sudebnogo kontrolya v ugovolnom sudoproizvodstve: voprosy teorii, zakonodatel'nogo regulirovaniya i praktiki* [The system of judicial control in criminal proceedings: questions of theory, legislative regulation and practice]. Kazan: Kazan State University.
8. Sementsov, V.A. (2006) *Sledstvennye deystviya v dosudebnom proizvodstve (obshchie polozheniya teorii i praktiki)* [Investigative actions in pre-trial proceedings (general provisions of theory and practice)]. Ekaterinburg: Ural State Law Academy.
9. Akimchev, A.A. (2006) Problemy realizatsii printsipa neprikosnovennosti zhilishcha v ugovolnom sudoproizvodstve [Problems of the implementation of the principle of inviolability of home in criminal proceedings]. In: Panyushkin, V.A. (ed.) *Problemy teorii i praktiki ugovolnogo protsesssa: istoriya i sovremennost'* [Problems of theory and practice of criminal procedure: history and modernity]. Voronezh: Voronezh State University.
10. Zinets, R.A. (2005) *Sudebnyy kontrol' v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: protsessual'nye i organizatsionnye aspekty* [Judicial control at the stage of preliminary investigation: procedural and organizational aspects]. Law Cand. Diss. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
11. Sheptunova, Kh.P. (2008) *Pravo lichnosti na neprikosnovennost' zhilishcha v ugovolnom sudoproizvodstve: otechestvennyy opyt i mezhdunarodnye standarty* [The right of an individual to inviolability of home in criminal proceedings: domestic experience and international standards]. Law Cand. Diss. Orenburg: Orenburg State University.
12. Yablokov, V.A. (2001) *Realizatsiya sudebnoy vlasti na dosudebnykh stadiyakh ugovolnogo protsesssa Rossii* [The implementation of the judiciary power at the pre-trial stages of the criminal procedure in Russia]. Law Cand. Diss. Samara: Samara State University.
13. Bykov, V.M. (2008) *Aktual'nye problemy ugovolnogo sudoproizvodstva* [Topical problems of criminal proceedings]. Kazan: Poznanie.
14. Bykov, V.M. (2012) Sledovatel' kak uchastnik ugovolnogo protsesssa so storony obvineniya [The investigator as a participant in the criminal procedure on the part of the prosecution]. *Zakonnost'*. 7.
15. Khimicheva, G.P. (2003) *Dosudebnoe proizvodstvo po ugovolnym delam: kontseptsiya sovershenstvovaniya ugovolno-protsessual'noy deyatelnosti* [Pre-trial proceedings in criminal cases: the concept of improving criminal procedure]. Moscow: Ekzamen.
16. Ryabtseva, E.V. (2010) *Sudebnoe sanktsionirovaniye v ugovolnom protsesse Rossii* [Court sanctions in the criminal procedure of Russia]. Moscow: Yurilitinform.
17. Orlov, A.V. (2004) *Konstitutsionnye normy, obespechivayushchie obvinyaemomu pravo na zashchitu v rossiyskom ugovolnom protsesse* [Constitutional norms providing the defendant with the right to defense in the Russian criminal trial]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov: Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
18. Utarbaev, A.K. (2008) Printsip neprikosnovennosti zhilishcha, ego sodержание i garantii [The principle of inviolability of a home, its content and guarantees]. In: Lazareva, V.A. (ed.) *Aktual'nye problemy sovremennogo ugovolnogo protsesssa Rossii* [Topical problems of the modern criminal process in Russia]. Samara: Samara State University.
19. Zaytseva, E.A. & Kosterina, N.V. (2007) *Polnomochiya suda na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya* [Powers of the court at the stage of preliminary investigation]. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
20. Borodinov, V.V. (2007) [Judicial control as a way to prevent a non-objective search]. *Aktual'nye problemy ugovolnogo sudoproizvodstva: voprosy teorii, zakonodatel'stva i praktiki primeneniya (k 5-letiyu UPK RF)* [Topical issues of criminal justice: issues of theory, legislation and practice of application (to the 5th anniversary of the RF Code of Criminal Procedure)]. Proceedings of the international conference. Moscow: Moscow State Law Academy. (In Russian).
21. Serebrov, D.O. (2004) *Sudebnyy kontrol' za zakonnost'yu i obosnovannost'yu proizvodstva sledstvennykh deystviy, ogranichivayushchikh konstitutsionnye prava i svobody lichnosti* [Judicial control over the legality and validity of investigative actions that limit constitutional rights and personal freedoms]. Law Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.

22. Kolokolov, N.A. (2008) *Operativnyy sudebnyy kontrol' v ugovnom protsesse* [Operative judicial control in the criminal procedure]. Moscow: Yurist.
23. Bykov, V.M. (2014) *Sledovatel' v ugovnom protsesse Rossii* [Investigator in the criminal procedure of Russia]. Moscow: Yurlitinform.
24. Zherebyat'ev, I.V. (2005) Predmet sudebnogo kontrolya na dosudebnykh stadiyakh ugovnogo sudoproizvodstva [The object of judicial control at pre-trial stages of criminal proceedings]. *Ugolovnyy protsess*. 10.
25. Agidamova, G.Z. (2004) *Sledstvennye deystviya, provodimye po sudebnomu resheniyu i s sanktsii prokurora* [Investigative actions conducted on a judicial decision and with the sanction of the prosecutor]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
26. Fomin, M.A. (2006) *Obysk v sovremennom ugovnom protsesse Rossii* [Search in the modern criminal procedure in Russia]. Moscow: Yurlitinform.
27. Kolokolov, N.A. (2004) *Sudebnyy kontrol' v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya* [Judicial control at the stage of preliminary investigation]. Moscow: YuNITI-DANA; Zakon i pravo.
28. Sheyfer, S.A. (2004) *Sledstvennye deystviya. Osnovaniya, protsessual'nyy poryadok i dokazatel'stvennoe znachenie* [Investigative actions. Grounds, procedural order and evidentiary value]. Moscow: Yurlitinform.
29. Solov'ev, A.B. (2004) Obespechenie obosnovannosti provedeniya osmotra v zhilishche, obyska i vyemki v zhilishche v isklyuchitel'nykh sluchayakh, ne terpyashchikh otlagatel'stva [Ensuring the validity of the inspection in a dwelling, search and seizure in a dwelling in exceptional cases that can not be delayed]. *Ugolovnoe pravo*. 2.
30. Sutyagin, K.I. (2008) *Osnovaniya i protsessual'nyy poryadok isklyucheniya nedopustimyykh dokazatel'stv v khode dosudebnogo proizvodstva po ugovnomu delu* [Grounds and procedural order for the exclusion of inadmissible evidence during pre-trial proceedings in a criminal case]. Moscow: Yurlitinform.
31. Likhacheva, E.Yu. (2005) *Pravooobespechitel'naya rol' pravosudiya v dosudebnom proizvodstve po ugovnym delam* [The law enforcing role of justice in pre-trial proceedings in criminal cases]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov: SGAP.
32. Ryabkova, O.V. (2003) *Sudebnyy kontrol' na stadiyakh vzbuzhdeniya ugovnogo dela i predvaritel'nogo rassledovaniya* [Judicial control at the stages of initiation of criminal proceedings and preliminary investigation]. Law Cand. Diss. Ekaterinburg.
33. Sukhinin, A.V. (ed.) (2014) *Pravovoe polozhenie sledovatelya i prokurora v dosudebnom proizvodstve (v ramkakh sudebno-kontrol'nykh proizvodstv)* [The legal status of the investigator and prosecutor in pre-trial proceedings (within the framework of supervisory proceedings)]. Moscow: Yurlitinform.
34. Kal'nitskiy, V.V. (2009) *Sudebnoe zasedanie v dosudebnom proizvodstve po ugovnym delam* [Court session in pre-trial proceedings in criminal cases]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
35. Tat'yana, L.G. (2009) [Court sanctions as a form of implementation of the judiciary power in criminal proceedings]. Proceedings of the International Conference on the 15th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation. Vol. 2. Moscow: Moscow State Law Academy. (In Russian).
36. Kornukov, V.M. (1987) *Konstitutsionnye osnovy polozheniya lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve* [Constitutional bases of the position of the individual in criminal proceedings]. Saratov: Saratov State University.
37. Trukhin, S.N. (2012) *Nadlezhashchie dokazatel'stva kak osnovaniye dlya razresheniya sudom sledstvennykh deystviy, ogranichivayushchikh konstitutsionnye prava grazhdan* [Appropriate evidence as the basis for the court to resolve investigative actions that limit the constitutional rights of citizens]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 6.
38. Litvinova, I.F. (2007) [Ensuring the inviolability of a home during the search]. *Aktual'nye problemy ugovnogo sudoproizvodstva: voprosy teorii, zakonodatel'stva i praktiki primeneniya (k 5-letiyu UPK RF)* [Topical issues of criminal justice: issues of theory, legislation and practice of application (to the 5th anniversary of the RF Code of Criminal Procedure)]. Proceedings of the international conference. Moscow: Moscow State Law Academy. (In Russian).
39. Erik, M.S. & Maslova, S.V. (2012) *Sudebnyy kontrol' pri proizvodstve sledstvennykh deystviy* [Judicial control in the conduct of investigative actions]. *Ugolovnyy protsess*. 10.
40. Bulanova, N.V., Solov'ev, A.B. & Tokarev, M.E. (2006) *Prokuror v dosudebnykh stadiyakh ugovnogo protsessa Rossii* [The prosecutor in pre-trial stages of the criminal procedure in Russia]. Moscow: Yurlitinform.
41. Petrukhin, I.L. (2007) Ob effektivnosti sudebnogo kontrolya za sledstviem i operativno-rozysknoy deyatelnost'yu [On the effectiveness of judicial control over the investigation and operational-search activities]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 2.
42. Stepanov, K.V. (2007) [The problem of the scope of violations of law in the implementation of judicial control in pre-trial proceedings]. *Aktual'nye problemy ugovnogo sudoproizvodstva: voprosy teorii, zakonodatel'stva i praktiki primeneniya (k 5-letiyu UPK RF)* [Topical issues of criminal justice: issues of theory, legislation and practice of application (to the 5th anniversary of the RF Code of Criminal Procedure)]. Proceedings of the international conference. Moscow: Moscow State Law Academy. (In Russian).
43. Nazarov, A.D. (2017) *Sledstvennye i sudebnye oshibki i ugovno-protsessual'nyy mekhanizm ikh ustraneniya* [Investigative and judicial errors and the criminal procedural mechanism for their elimination]. Moscow: Yurlitinform.
44. Lazareva, V.A. (2010) *Pravo na sudebnuyu zashchitu i problemy ego realizatsii v dosudebnom proizvodstve* [The right to judicial protection and the problems of its implementation in pre-trial proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
45. Vilkova, T.Yu. (2015) *Printsipy ugovnogo sudoproizvodstva: pravovye osnovy, sodержание, garantii* [Principles of criminal proceedings: legal basis, content, guarantees]. Moscow: Yurlitinform.
46. Rossinskiy, S.B. (2009) Nuzhen li predvaritel'nyy sudebnyy kontrol' za proizvodstvom sledstvennykh deystviy v zhilishche? (chast' 2) [Do we need preliminary judicial control over investigative actions in a home? (part 2)]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 9.
47. Rossinskiy, S.B. (2016) Kakim dolzhen byt' rossiyskiy sledovatel'? (k 25-letiyu Kontseptsii sudebnoy reformy RSFSR) [What should the Russian investigator be? (to the 25th anniversary of the Concept of Judicial Reform of the RSFSR)]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 10.

Received: 01 August 2017